

Борис ЯКЕМЕНКО

ПЕПЕЛ над пропастью

Феномен Концентрационного мира
нацистской Германии

Война на уничтожение. Третий Рейх против России

Б. Г. Якеменко

**Пепел над пропастью. Феномен
Концентрационного мира
нацистской Германии и его
отражение в социокультурном
пространстве Европы середины
– второй половины XX столетия**

«Яуза»

2023

УДК 94(4)»1939/1945»
ББК 63.3(0)62

Якеменко Б. Г.

Пепел над пропастью. Феномен Концентрационного мира нацистской Германии и его отражение в социокультурном пространстве Европы середины – второй половины XX столетия
/ Б. Г. Якеменко — «Яуза», 2023 — (Война на уничтожение. Третий Рейх против России)

ISBN 978-5-00155-563-6

Эта книга — первое в отечественной историографии комплексное исследование феноменологии нацистских концентрационных лагерей (Концентрационного мира), как особой системы, глобально трансформировавшей всё, что оказывалось в орбите её влияния — от времени, истории и пространства до человеческой антропологии и психологии. Обнажение и одежда, пища и голод, насилие и боль, язык и молчание, страх и смерть — каждое из этих явлений занимало свое место в общей картине тотальных антропологических и психофизических деформаций человека, попавшего в пространство лагеря. Как трансформировались философия и теология «после Освенцима», почему освобождение из лагеря не давало свободы? Для всех, интересующихся историей Второй Мировой войны, социальной историей, социальной антропологией, общественной мыслью Европы середины — второй половины XX столетия. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(4)»1939/1945»
ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-00155-563-6

© Якеменко Б. Г., 2023

© Яуза, 2023

Содержание

Предисловие	7
Введение	8
Источники и историография	15
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Борис Якеменко
Пепел над пропастью. Феномен
Концентрационного мира нацистской
Германии и его отражение в
социокультурном пространстве Европы
середины – второй половины XX столетия

В о й н а н а у н и ч т о ж е н и е
ТРЕТИЙ РЕЙХ ПРОТИВ РОССИИ

Рецензенты:

Арсланов Рафаэль Амирович.

Доктор исторических наук. Профессор Российского университета дружбы народов

Исаков Владимир Алексеевич.

Доктор исторических наук. Профессор Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета

© Якеменко Б.Г., 2023

© ООО «Яуза-каталог», 2023

Предисловие

В минувшем столетии европейская цивилизация пережила одну из самых страшных, если не самую страшную катастрофу в своей истории. Это была Вторая мировая война, открывшая принципиально новые стороны человеческого и бесчеловечного. Апофеозом, предельной точкой трагического опыта войны стали концентрационные лагеря нацистской Германии, превратившиеся в общеевропейскую травму, привыкание к которой не случится никогда. Сегодня этот травматический опыт требует рефлексии, осмысления, и любая попытка понять его приобретает не только научное, но и социальное, политическое, антропологическое значение.

Данная книга – это первая в отечественной историографии попытка всестороннего осмысления подобного опыта. Осмысления через быт, насилие, парадоксы лагерного бытия, наконец, через смерть, приобретающую в лагере немыслимый ранее масштаб. Главное достоинство данной работы в том, что исследование автором нацистского Концентрационного мира становится скрытым исследованием и современного социума, извлечением корней многих явлений, которые в той или иной форме продолжают существовать в социальном и культурном пространстве европейской цивилизации.

Работа дает возможность понять, что Концентрационный мир нацистской Германии – это карта нацистского государства в размер местности, это территория чрезвычайного положения, становящегося нормой, где отменяются все законы и правила и становится возможным всё. Это территория создания «особого человека», вынесенного за пределы человеческого, способного как причинять нечеловеческие страдания, так и выдерживать их. Это место, где на противоположных полюсах сублимировалось все ужасное и все великое в человеке, место, где не было середины, где жизнь и смерть были перемешаны и теряли свои ключевые признаки, в результате чего человек мог подолгу пребывать в пространстве смерти, не умирая полностью, но и не будучи в состоянии жить.

Концентрационный мир нацистской Германии перестал существовать в 1945 году, но так и не был понят ни палачами, ни жертвами, ни тем более сторонними наблюдателями. Возможно ли вообще было понять, что произошло, кого можно считать настоящим свидетелем – автор задается и этими вопросами (проблеме и механизмам понимания произошедшего посвящена отдельная глава) и, не претендуя на исчерпывающий ответ, намечает пути возможного понимания трагического опыта лагерей и обрисовывает контуры фигуры подлинного свидетеля.

На мой взгляд, данная книга – несомненное событие в отечественной исторической науке. Ее безусловное достоинство (помимо многих уже указанных) в ее обращенности к рядовому читателю, а не к своему научному кругу, как нередко бывает сегодня. Не случайно первое издание этой работы полностью разошлось за два месяца. Любого человека эта книга заставит задуматься и о том, что происходит сегодня, и о том, что еще может произойти. Эта книга – предупреждение. Предупреждение всем, кому кажется, что всё случившееся в лагерях тогда невозможно в наши дни.

Воронин Сергей Анатольевич,

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Российского университета дружбы народов

Введение

В данной работе речь пойдет о нацистских концентрационных лагерях как феномене и его отражении в социокультурном пространстве Европы середины – второй половины XX столетия. Масштаб влияния этого феномена на общественное сознание европейцев до сих пор до конца не осознан. Сегодня, когда мир переживает кризис политических и общественных институтов, в связи с чем забвение или даже оправдание худших страниц истории XX века становится инструментом влияния на социум, средством решения политических и экономических проблем, остается все меньше надежд, что это осознание произойдет. Это делает каждую работу по данной теме особенно актуальной, тем более что интерес к нацистским концентрационным лагерям в европейской исторической науке и общественном пространстве возрастает прямо пропорционально удалению нацистских концентрационных лагерей в горизонт прошлого¹. Одним из репрезентативных показателей этого интереса является активное развитие в последние годы одного из направлений «археологии современной истории» – археологии лагерей (*Lagerarchäologie*), в рамках которой исследуются территории бывших нацистских концентрационных лагерей², что дает не только новые артефакты, но нередко и существенно уточняет и даже поправляет детали и подробности воспоминаний узников.

Сегодня в европейском интеллектуальном пространстве активно идут споры по поводу исторической памяти и ее форм. В ходе этих дискуссий исследователями Д. Леви и Н. Шнейдером было констатировано, что нынешняя переломная эпоха маркирована, в частности, сменой мемориальных паттернов³. Эта смена, по их мнению, выражается в том, что эпоха национальной памяти, начавшаяся в 1960-х годах, когда основной опорной фигурой памяти был Герой, действующий в национальных рамках, вытесняется временем космополитической памяти, главной фигурой которой становится вненациональная Жертва, существующая в пространстве, не ограниченном ни национальными, ни культурными, ни религиозными рамками.

Если первая направляет процессы, формирующие память, «сверху» и с помощью социальных и политических институтов создает пространство памяти и фигуру Героя, то вторая ориентирована на восходящие «снизу» голоса Жертв, голоса, из которых складывается ткань памяти⁴. И если фигура Героя закрывает прошлое, то фигура Жертвы открывает будущее. Если Герой вступал в конфликт с виновником случившейся трагедии, то Жертва ищет с ним компромисса, который основывается на взаимном признании истории «другого». На место зверств, которые пережили узники, после ухода всех непосредственных свидетелей трагедии приходят способность к рефлексии по поводу зверств и обмен воспоминаниями жертв и преступников. Как способность к рефлексии, так и обмен воспоминаниями стимулируют память об общем прошлом.

Данная трансформация связана с тем, что сегодня в Европе в результате глобализационных процессов все большее число людей перестает определять себя только через принадлежность к определенной нации или этносу. В этих условиях закономерно возникает несколько вопросов. В каких формах будет происходить осознание произошедшего, сохраняется ли у

¹ Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 28–35.

² Bernbeck R., Pollock S. Archäologie der Nazi-Zeit: Diskussionen und Themen // Historische Archäologie. Vol. 2013. Issue 2; Colls S. Holocaust Archaeology: Archaeological Approaches to Landscapes of Nazi Genocide and Persecution. Journal of Conflict Archaeology 7(2), 71–105, 2012.

³ Levy D., Szneider N. Memory Unbound. The Holocaust and The Formation of Cosmopolitan Memory // European Journal of Social Theory. 5 (1). P. 87–106.

⁴ Как характерное отражение этого подхода в ноябре 2019 года начал работу сайт, представляющий собой базу жертв нацизма, содержащую более 10 млн человек. См.: <https://collections.arolsen-archives.org>.

нынешних поколений возможность объективно судить о событиях, к которым эти поколения не имеют прямого отношения? В чем социальный и политический смысл новой культуры памяти? Возможно ли в новых условиях объективно судить о произошедшем и какова степень этой объективности? В связи с этими и другими вопросами актуальность данной работы, в которой делаются попытки понять антропологические и ментальные деформации сознания миллионов узников Концентрационного мира, сознания, которое затем было вынесено выжившими за пределы этого мира и стало важным фактором формирования послевоенного социального сознания Европы, многократно возрастает.

Однако западноевропейская историографическая база тематики, связанной с нацистскими концентрационными лагерями, пополняется сегодня главным образом историческими и социологическими исследованиями. Они добавляют многое к уже существующей фактологической картине, но в меньшей степени затрагивают нацистские концентрационные лагеря как источник для изучения ранее не исследованных состояний человеческого сознания, государства и социума. Что касается отечественной историографии, то в ней не существует монографических исследований социальной, культурной и антропологической феноменологии «Концентрационного мира»⁵, и данная монография – это первая попытка подобного рода.

Концентрационный мир нацизма стал уникальным явлением, местом, где была установлена монополия на исторический процесс, носителем которого становилось тотальное государство, определявшее субъектный и устанавливавшее объектный статус тех, кто попадал в орбиту лагеря. В Концентрационном мире история уступала место мифологии, там воскрешались архаические, пралогические формы мышления и действия, упразднялись правила и законы, на которых держалась европейская цивилизация. В основе этого мира лежали насилие и смерть. Их формы и разновидности становились главными маркерами категорий «населения» мира. Поэтому Концентрационный мир являлся основой, на которой строилось, в терминологии Карла Шмитта, «тотальное государство» Третьего рейха и тоталитарность как его неотъемлемая часть. Этот мир стал местом, где была сделана попытка в кратчайшие сроки путем беспрецедентного морального и физического давления создать физически и духовно принципиально нового человека, насильно интегрированного в это государство и способного растворяться в тоталитарности.

Идеология «обновления человека», которая владела Европой в первой четверти XX столетия и выливалась, в частности, в России в «новую биологию», «биокосмизм» и попытки вызвать «катаклизматическое» перерождение всего населения планеты, в нацистской Германии легла в основу создания Концентрационного мира – территории, где любая невозможность становилась возможностью, где рушились все прежние иерархии и строилась новая структура мира и государства. Именно Концентрационный мир создал несколько социальных и политических «формул», которые позволяют и сегодня понять логику действий человека и государства в условиях крушения общепринятых норм и правил. Не случайно в наши дни историки, политики, общественные деятели все чаще обращаются к истории Концентрационного мира, рассуждения о роли и месте освободителей лагерей используются как аргумент в современной политической риторике, обвинения в проповеди нацизма и реализации Холокоста звучат в адрес самых разных политических лидеров. Поэтому понимание многих процессов, происходивших в нацистских лагерях, исключительно важно для поиска ответов на вопросы, которые ставит современная политическая и социальная реальность.

Концентрационный мир стал территорией, где была сделана попытка отделить настоящее от прошлого, разрешить конфликт между прошлым, окрашенным памятью о Версале, и насто-

⁵ Словосочетание «Концентрационный мир», вынесенное и в подзаголовок данной монографии, впервые в названии своей работы употребил в 1946 году Д. Руссе (l'univers concentrationnaire), и, на наш взгляд, это словосочетание наиболее точно и обобщенно передает суть рассматриваемого явления. Поэтому далее оно будет использоваться в тексте настоящей работы без кавычек.

ящим, пронизанным мечтами о «Тысячелетнем рейхе», в рамках не продолжения истории, а в порядке ее преодоления, то есть возбуждения в истории бессилия, отмены власти истории над жизнью и человеком. Концентрационные лагеря нацизма стали попыткой в целом перспективно выйти из кризиса западного мира, констатированного О. Шпенглером. Этот выход осуществлялся через радикальную отмену всех норм и правил, которые, как считалось, и привели к этому кризису, то есть оказались ложными. Массовое и тотальное уничтожение не только людей, но также памятников культуры и населенных пунктов (наиболее характерный пример – чешская деревня Лидице, где нацисты уничтожили все строения и вывезли их обломки, засыпали пруд, отвели реку в новое русло, разровняли дорогу, которая вела к деревне, и опустошили даже местное кладбище) создавало обширное пустое пространство на месте истории, куда предполагалось поместить мифологию.

Традиционная схема «Древний мир – Средние века – Новое время» должна была получить свое завершение в Концентрационном мире, в котором времени уже не существовало, – многие узники отмечают, что у них возникало странное ощущение деформации времени, его отмены («Времени не было. Сколько времени мы простояли на ветру? Час? Один жалкий час? Шестьдесят минут?» – спрашивал Э. Визель⁶), запуска механизма языческого (по Л. Альтюссеру – «невротического»⁷) круговращения реальности, где каждый узник, каждый эсэсовец, каждый барак при всей их внешней разности многократно воспроизводились в окружающей действительности как один и тот же «усредненный», наделенный признаками знака узник, эсэсовец и барак. Это состояние попытался воссоздать в своем девятичасовом фильме «Шоа» (1985) К. Ланцман, применив особый вид монтажа, с помощью которого свидетельства, пейзажи, персонажи все время возвращаются к некоей «точке бифуркации», которая остается неосознанной и неатрибутируемой в конкретных категориях, однако именно эта точка и формирует всю логику фильма.

Концентрационный мир был, в отличие от остального мира, характеризуемого принципиальной невозможностью завершенности, структурой завершенной, и эту завершенность закономерно утверждала смерть, занимающая основную часть метафизического и мифологического пространства концентрационного лагеря. Эта эсхатологическая завершенность легла в основу попытки переучреждения государства, фундаментом которого традиционно и ритуально становилась кровь жертв. Но, в отличие от традиционного языческого жертвоприношения, кровь не лучших, а, как считалось, худших. Кровь была самым очевидным показателем абсолютного предела борьбы, важнейшим условием, исключающим остановку или движение назад, условием, заставляющим идти только вперед, так как в противном случае осознание того, что огромные жертвы были принесены напрасно, стало бы главным стигматизатором системы и не позволило бы ей уцелеть. Кроме того, кровь являлась самым убедительным доказательством того, что развитие и утверждение системы не фикция, что поставленные задачи решаются ею на пределе собственных возможностей. Реальность крови становилась знаком реальности происходящего, только кровь имела значение, становилась безусловным фактором, в то время как все остальные факторы превращались в условности.

Выход «плохой» крови, замедление, а затем и полная остановка ее воспроизводства через массовое уничтожение людей должны были привести к очищению структуры существующей системы и стать залогом вечного существования нацистского государства. Это существование понималось не как приобретенное свойство системы, а как изначальное ее свойство, обеспечиваемое отсутствием внешних деструктивных факторов, могущих стать причиной ее гибели. То есть нацистское государство было как бы изначально явлено, существовало всегда (его про-

⁶ Визель Э. Ночь. М., 2017. С. 74. Примечательно, что Э. Визель даже не смог вспомнить дату своего прибытия в Освенцим и считал, что оказался в лагере в апреле. Однако его лагерный номер указывает на то, что он прибыл 24 мая.

⁷ Встреча: Мераб Мамардашвили – Луи Альтюссер. М., 2016. С. 138.

явления в своих прозрениях видели, по мнению нацистских лидеров, Ницше и Вагнер), но было погребено под спудом отживших традиций, отработанных идей, прежнего политического и экономического порядка, лишних, чужих людей.

В этих условиях главной задачей становилась тотальная «расчистка» этих наслоений, эффективность которой обуславливалась полным упразднением всех ранее существовавших моральных, идеологических, политических, антропологических границ. Второй, не менее важной задачей было не допустить любой внешней угрозы. Поэтому не имело значения, кого уничтожать: детей, стариков или солдат, – возраст и состояние жертв не принимались в расчет, речь шла не о терминах, не о категориях, а о свойствах и качествах. Еврейский или цыганский ребенок был прежде всего только евреем или только цыганом, а не ребенком. Уничтожали просто вообще евреев, цыган, русских, поляков, а не стариков и женщин; не уничтожали людей, а стирали темные пятна с безукоризненного образа вечного, изначального Рейха. Такой подход, обеспеченный на практике точно выстроенным процессом дегуманизации жертв, сведенных к пронумерованным биологическим объектам, исключал упреки в жестокости и бесчеловечности, и именно поэтому нацистские преступники, такие как Адольф Эйхман, оказавшиеся на скамье подсудимых, искренне не понимали предъявляемых им обвинений.

Концентрационные лагеря обеспечили, помимо тоталитарности, абсолютную (тотальную) тотальность нацистского государства, именно в лагерях велась возгонка этой тотальности, которая пронизывала собой всё. Под тотальностью мы понимаем доведенные до предела прочности социальные и ментальные связи, обеспечивавшие изнутри (в отличие от тоталитарности, обеспечивавшей извне) слияние общества в массу. То есть масса – это следствие тотальности, это общество, сжатое до сверхвеличин, когда ментальное и даже физическое расстояние между социальными и антропологическими объектами становится сверхмалым, когда идея превращается в физиологию или даже биологию, и наоборот. И тотальность выступает главным инструментарием этой трансформации. Иллюстрацией к этому тезису являются фильмы Лени Рифеншталь и многочисленные свидетельства о физиологическом или даже сексуальном возбуждении толпы во время выступлений Гитлера.

От подъема до отбоя вся структура жизни заключенного отражала в себе символическую систему тоталитарного и тотального государства и указывала узнику место на самых нижних ярусах системы или даже под ее поверхностью⁸. При этом тотальность закономерно была тем абсолютнее, чем больше людей попадало в лагеря и чем жестче было с ними обращение. Не случайно первый период истории Концентрационного мира (до 1940 года) – это лагеря для перевоспитания и исправления (преимущественно трудовые), где заключенные сохраняли некоторые права и даже освобождались (в первые месяцы Великой Отечественной войны из лагерей освобождали даже военнопленных (белорусов, украинцев, прибалтов) – за три месяца войны освободили около 300 тысяч человек⁹), и только с активным развитием событий Второй мировой войны, когда тотальность, по сути, сменяет государство, когда вместо государства возникает, в терминологии В. Страда, «метегосударство», начинается второй этап. Именно тогда создаются лагеря смерти. Концентрационные лагеря были главным и неперменным условием существования этой тотальности, они были теми реперными точками, к которым была привязана «карта» фашизма, и именно поэтому они не могли в будущем исчезнуть по определению. Концентрационный мир парадоксальным образом был гарантией реальности Рейха, необходимым условием этатистского самоощущения нацистской Германии как сильной и несокрушимой державы.

Осью Концентрационного мира, на которой держалось все – от архитектурной формы лагерей до внутреннего распорядка, было абсолютизированное, отменяющее любую рефлек-

⁸ Buchenvald K.L. Post Weimar. Buchenvald and Mittelbau-Dora Memorial Foundation, 2006. P. 29.

⁹ Дворниченко О. Клеймо. Судьбы советских военнопленных. М., 2017. С. 213.

сию насилие. В концентрационных лагерях насилие в ходе преодоления истории компенсаторно встало на ее место рядом с мифологией (мифология традиционно не просто сопровождается насилием – насилие есть одно из основных средств превращения истории в мифологию), став основной движущей силой государства, что подтверждает высказанный выше тезис о неотменимости лагерей в будущем. Насилие, использовавшееся нацистским государством в первый период своего существования как средство, в Концентрационном мире стало целью, сущностью нацистского государства, сменившей все формы ненасильственного принуждения, существовавшие ранее за пределами лагерей.

Беспрецедентность насилия во многом объяснялась тем, что оно было постоянно ощущаемым следствием чрезвычайного давления государства на общество, через насилие государство предъявляло себя социуму. В результате этого давления должна была выкристаллизоваться упомянутая выше принципиально новая категория людей (как при чрезвычайном давлении графит превращается в алмаз), которая обеспечит необратимость времени. Не случайно строительство «нового человека», поиски новых физических возможностей человека, выливавшиеся в Концентрационном мире в изуверские эксперименты над людьми, пронизывают всю идеологию Третьего рейха.

При этом главным объектом этого давления были как раз не столько узники, сколько эсэсовцы, обслуга лагерей, оказавшиеся между молотом и наковальней – государством и заключенными. Именно эсэсовцы должны были стать теми самими «новыми людьми». Государство оказывало на них административное, уставное, идеологическое давление сверху, и они в свою очередь становились «усилителями сигнала», трансформируя это давление в насилие по отношению к заключенным. Последние отвечали как активным (акты неподчинения, саботаж, обман), так и пассивным (крик, видимые мучения, проклятия) сопротивлением, то есть давили снизу. Это не делает эсэсовцев страдающей стороной, но объясняет место и роль насилия в Концентрационном мире.

В условиях, когда Третий рейх и его фюрер официальной пропагандой описывались в религиозных категориях как сбывающаяся мечта человечества о светлом, сияющем, совершенном мире¹⁰, когда были очерчены контуры новой, квазиязыческой, парарелигиозной структуры, противопоставленной не только иудаизму, но и христианству, которая должна была оформить будущее нацистское государство и создать путем отбора и воспитания человека нового типа, Концентрационный мир становился антимиром, знаком преисподней, поглощающей тех, кто выброшен из своей биографии и из бытия, краем света, за которым темнота. Это сознавали и сами его организаторы. «Гауптшарфюрер Гило, гарнизонный врач, – вспоминал комендант Освенцима Рудольф Хёсс¹¹, – был прав сегодня, говоря, что мы здесь находимся при *anus mundi* (анальном отверстии мира)»¹². И если метафизической основой Третьего рейха становится квазиязычество, то концентрационные лагеря выполняют роль капищ или даже «городов-святилищ», где день и ночь пылают жертвенные костры, на которых приносятся многочисленные жертвы идолам нового религиозного культа.

Насилие было необходимым условием формирования указанной структуры, так как оно в архаических практиках (воскрешение архаических, пралогических практик в нацистском государстве может стать темой отдельной работы) было источником священного. «Именно опыт

¹⁰ Подробный анализ религиозной риторики Третьего рейха см.: *Клемперер В.* Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. URL: https://royallib.com/read/klemperev_viktor/LTI_yazik_tretego_reyha_zapisnaya_knigka_filologa.html#1187840; *Булгаков С.* Расизм и христианство // Христианство и еврейский вопрос. Париж, 1991; *Шкаровский М.* Холокост и Православная церковь. М., 2016.

¹¹ Здесь и далее в тексте используется написание Хёсс (нем. *Höß*) во избежание путаницы с фамилией рейхсминистра Рудольфа Гесса, однако в библиографических описаниях источников оставлен вариант написания, использовавшийся в момент их публикации. – *Примеч. авт.*

¹² Освенцим в глазах СС. Гесс. Брод. Кремер. Государственный музей в Освенциме, 1975. С. 202.

насилия интерпретировался как нечто сверхъестественное, – говорит антрополог Р. Жирар, – потому что, когда люди спасаются через опыт коллективного насилия, они не могут думать, что они сами совершили насилие, – им приходится придумывать какую-то стоящую над ними силу. Это и есть начало религии»¹³. Именно в этих квазиязыческих категориях разнообразие форм насилия и убийства напрямую соотносилось с разнообразием статусов узников и их поступков, определяло в системе место вождя и становилось структурообразующим метафизическим началом.

При этом насилие могло существовать и действовать только там, где «возможно все», то есть в пространстве невозможного, которым стал Концентрационный мир. Из этого «невозможного» вытекало кажущееся абсурдным положение, которое было точно зафиксировано Х. Арендт: «Поддерживать работу фабрик смерти было важнее, чем выиграть войну»¹⁴. Если вспомнить, что в последние два года войны громадное количество эшелонов, вместо того чтобы использоваться для переброски войск на Восточный фронт, где ситуация была угрожающей, были задействованы для перевозки евреев в лагеря смерти, этот тезис находит убедительное подтверждение.

Экономическая целесообразность концентрационных лагерей постоянно приносилась в жертву политической необходимости и идеологическим фантомам. Ничем иным нельзя объяснить «уничтожение миллионов расовых врагов, вне зависимости от их потенциальной полезности для военной экономики Рейха»¹⁵. Характерен разговор служащего конторы паровозостроительного завода Круппа в Эссене Зелинга и представителя Германского трудового фронта (ДАФ) Приора. Зелинг пытался убедить Приора, что узники лагерей, выделенные заводу в качестве рабочей силы, нуждаются в нормальном питании, так как иначе они будут не в состоянии работать. «Господин Приор заметил на это, что если не годится для этого один, то найдется другой, а большевики – это люди без души. Если их вымрет даже сто тысяч, то взамен мы получим другие сотни тысяч. На мое замечание, что при такой текучести мы не достигнем цели, а главное, не обеспечим локомотивами германские железные дороги, которые настаивают на сокращении сроков поставок, господин Приор ответил: поставки – это дело второстепенное»¹⁶. Экономика – это рациональность, объективность, имеющая понятные категории измерения, в то время как насилие направляется и подпитывается иррациональностью, оно есть порождение фантомов сознания, следствие субъективности, возведенной в абсолют, доведенной до пределов, даже если эта субъективность воплощена в рамках государственной идеологии.

Парадоксальность этого явления подтверждается, в частности, тем, что концентрационный мир как место сублимированного насилия и глобального упразднения всех гуманистических норм разросся до масштабов самостоятельного, структурированного явления с социальной и моральной стратиграфией, явления, стоящего над прежними формами культуры. По точному замечанию С. Лема, глобальность этого явления «требуется производственной базы, особых орудий производства, а значит, особых специалистов – рабочих и инженеров, сообщества профессионалов от смерти. Все это пришлось изобрести и построить на голом месте – никогда еще ничего подобного не делалось в подобных масштабах»¹⁷. То есть речь идет о том, что впервые была создана многоуровневая, эшелонированная индустрия «производства смерти», где в смерть перерабатывалось все, что было накоплено человечеством, где смерти придавались самые различные формы и откуда смерть расходилась по всем явлениям человеческой жизни, обессиливая и обесмысливая их.

¹³ Покой убийством. Беседа Р. Жирара с А. Ритулсом // Rigas Laiks. Русское издание. Весна 2017. С. 38.

¹⁴ Арендт Х. Опыты понимания. 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм. М., 2018. С. 398.

¹⁵ Туз А. Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики. М., 2018. С. 665.

¹⁶ Цит. по: Датиер Ш. Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во Второй мировой войне. М., 1963. С. 379.

¹⁷ Лем С. Провокация. URL: <https://booksonline.com.ua/view.php?book=26145&page=11>.

Именно благодаря масштабу и беспрецедентности этого явления в значительной степени был совершен поворот от прежних христианизированных форм европейской цивилизации, где смертью все завершалось, к новой секулярной цивилизационной форме, где все было направлено к бегству от смерти. Где смерть, имплицитно включаемая в жизнь в момент рождения, стала постоянно ощущаться и ее преодоление требовало принципиально новых усилий и форм, что было по многим причинам уже невозможно. После короткого всплеска политической, культурной и социальной энергии 1950–1960-х годов наступил упадок, в котором стали отчетливо видны черты «цивилизации бессилия», ставшей питательной почвой для зарождения постмодерна с его констатациями «смерти человека».

Вместе с этим Концентрационный мир стал местом, где произошел сброс традиции, что позволило допустить массовые убийства и радикально очистить структуру государства в преддверии остановки времени и полного исчерпания истории. То есть лагеря превратились в место утилизации протестных и вообще любых антисистемных настроений, знаком окончательного разделения общества на тех, кто достоин, и тех, кто обречен. Концентрационный мир стал ответом на соблазн совершить прямой скачок в будущее, проигнорировав период долгого строительства. Война и насилие в человеческой истории всегда были способом ускорения исторического времени, кардинального решения накопившихся серьезных проблем. Эти проблемы в мирное время (то есть в обычных обстоятельствах) нередко невозможно решить, но можно это сделать в чрезвычайных обстоятельствах, которые складываются в ходе войны, и они же оправдывают все военные издержки, прежде всего морального плана, согласно распространенной формуле «победителей не судят».

Именно поэтому Концентрационный мир решал сразу несколько глобальных задач. Двигал вперед некоторые отрасли экономики (причем это движение почти ничего не стоило – рабский труд был дешевле труда животных), создавал «нового человека» из эсэсовцев и тех заключенных, которые были кооптированы системой, и, наконец, «легально» уничтожал тех, кто не соответствовал новым требованиям. Таким образом, именно в концентрационных лагерях строилась новая социальная структура Рейха и деиерархизировался старый мир.

Концентрационный мир стал возможен как совокупность нескольких факторов, которые по отдельности не представляли глобальной опасности, но сложились в систему, равной которой по степени бесчеловечности в истории не существовало. Среди этих факторов – бюрократия, техника, транспорт, средства связи. Каждый из этих факторов можно объяснить и принять, но их синхронное суммирование приводит не к пониманию явления, а наоборот: полученная сумма являет собой совершенно иррациональное явление. Связанные в единую систему, доведенную до пределов рациональности, все эти факторы привели главным образом к тому, что массовые убийства стали формальностью, совершение которой не причиняло моральных страданий исполнителям. Совпадение трех условий, по мнению Герберта С. Кельмана: насилие узаконивается, действия рутинизируются, жертвы насилия дегуманизируются¹⁸ – имело закономерным финалом Концентрационный мир, который стал тестом на скрытые возможности современной цивилизации.

¹⁸ Цит. по: Бауман З. Актуальность Холокоста. М., 2013. С. 38.

Источники и историография

Историографическая и источниковедческая база темы нацистских концентрационных лагерей в целом очень обширна¹⁹, но в задачи автора входит рассмотрение только тех ключевых работ, в которых Концентрационный мир исследуется как особое пространство «новой реальности», где анализируются причины и предпосылки генезиса феноменологии нацистских концентрационных лагерей в целом и в частности, а также развитие этих предпосылок в общем строе жизни лагерей, в питании, работе, быту, в страданиях и гибели узников.

Собственно научный интерес к концентрационным лагерям появился не сразу после Второй мировой войны. Масштаб произошедшего и степень катастрофичности случившегося были настолько ошеломляющими, что многим казалось, что эта тема вообще не может быть предметом исторической науки, тем более той науки, которая целиком находилась в рамках довоенной методологии. Поэтому первые работы на эту тему были созданы бывшими узниками лагерей. Необходимо подчеркнуть, что эти нарративы были необходимы узникам не столько как исследователям, сколько как свидетелям, которые стремились к тому, чтобы их память о произошедшей трагедии обрела форму.

Впервые тема внутреннего мира узника концентрационного лагеря была затронута еще в годы войны. В 1943 году в США в *Journal of Abnormal and Social Psychology* выходят две статьи психологов, бывших заключенных нацистских концентрационных лагерей. Первая («Проблемы лагерей для интернированных» – именно так автор обозначил концентрационные лагеря²⁰) принадлежала авторству Курта Бонди, вторая («Индивидуальное и массовое поведение в экстремальных ситуациях»²¹) – Бруно Беттельгейма. К. Бонди, анализируя свой опыт заключения в Бухенвальде, считал главной причиной деформации внутреннего мира узников плохую еду, невыносимые условия жизни, изоляцию от внешнего мира, которым он противопоставляет (на примере группы из 20 молодых людей) способность держаться вместе и выживать за счет взаимной поддержки.

К. Бонди впервые задумался над дальнейшей участью тех, кто уже к тому времени сумел спастись из лагеря и еще будет освобожден, констатируя серьезные психические деформации выживших. Поэтому он предлагает ряд мер для психологической работы с теми, кто будет восстанавливаться после заключения, и предупреждает, что тем, кто будет заниматься восстановлением бывших узников, следует не только быть отзывчивым и терпеливым. Для достижения результата от них потребуется тщательное и всестороннее изучение последствий пребывания в лагере, которые в то время были совершенно новым явлением, а также знакомство с методами, которые применяла администрация лагерей для подавления психики заключенных.

Б. Беттельгейм, бывший заключенный концентрационных лагерей Дахау и Бухенвальд, в своей статье сделал попытку осмысления принципиально иной реальности, которую представлял собой лагерь. Одним из первых он рассмотрел человека в условиях экстремальной ситуации и выделить шаблоны поведения, возникающие в этих условиях. Именно этой работой Б. Беттельгейм указал, что Концентрационный мир может и должен рассматриваться не только как историческое событие, но как психологический феномен. Позднее данная статья станет частью базовой работы Б. Беттельгейма о концентрационных лагерях «Просвещенное сердце» (о ней далее).

¹⁹ См. обзор историографии по данному вопросу: *Корнева Л.Н.* Зловещий лик нацистского Януса: историки ФРГ о системе нацистских лагерей // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 8; *Аристов С.В.* Система нацистских концентрационных лагерей: европейское измерение историографии проблемы // Диалог со временем. 2013. Вып. 44.

²⁰ *Bondy C.* Problems of Internment Camps // *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. Vol. 38 (4). Oct 1943. P. 453–475.

²¹ *Bettelheim B.* Individual and Mass Behavior in Extreme Situations // *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. Vol. 38 (4). Oct. 1943.

В том же 1943 году увидела свет большая книга «Общество террора: внутри нацистских концентрационных лагерей Дахау и Бухенвальд»²² Пола Нейрата, бывшего заключенного Дахау и Бухенвальда, как и Б. Беттельгейм. П. Нейрат сумел освободиться в 1939 году, бежал в Швецию и год спустя уехал в США, где начал осмыслять свой опыт заключения, что вылилось в указанную книгу, которая была защищена в качестве докторской диссертации в Колумбийском университете. Далее он становится преподавателем социологии и статистики в американских университетах и Вене и остается им вплоть до своей смерти, никогда более не возвращаясь к теме нацистских лагерей. Его книга дожидалась внимания общества много десятков лет и была опубликована в полном объеме только в 2005 году благодаря усилиям К. Флека и Н. Штера, которые написали к книге предисловие.

В своей работе П. Нейрату, невзирая на все пережитое, удалось выдержать дистанцию между собой как узником и как исследователем, и это одно из главных достоинств его труда. Целью работы П. Нейрата стали изучение и анализ условий пребывания узника в лагере и попытка нащупать существование и иерархию внутренних социальных структур узников. Поскольку труд П. Нейрата стал одной из первых работ, в которых анализируется система и социум нацистского лагеря как системы, в ней отсутствует влияние поздних интерпретаций, источников и историографии, которых еще просто не существовало.

Работа П. Нейрата стала первым трудом по социологии нацистского концентрационного лагеря. Обращаясь к данной работе, необходимо учитывать одно существенное обстоятельство. Автор оказался заключенным Дахау и Бухенвальда еще до того, как они оформились в качестве лагерей уничтожения, поэтому в центре его внимания – повседневная жизнь лагеря и формы работы заключенных, а не формы уничтожения последних, как в работах, вышедших уже после окончания войны. П. Нейрат описывает процессы «дегуманизации» заключенных, начиная с момента прибытия в лагерь и заканчивая формами работы. Он внимательно рассматривает организацию и структуру повседневной работы лагеря, модели формирования групп заключенных и формы их взаимодействия. Наиболее стойкой группой, по мнению П. Нейрата, являлись «политики» (коммунисты и социалисты), у которых была внутренняя дисциплина и, поэтому они были способны к сплочению и организованным коллективным действиям в собственных интересах – разумеется, в тех рамках, в которых лагерная действительность допускала такие действия.

Автор отмечает и случаи «повседневного сопротивления» (everyday resistances) различных групп заключенных. Так, например, «политики» старались скрывать боль при получении «двадцати пяти» (двадцать пять ударов палками – рутинное наказание в Дахау и Бухенвальде), что раздражало экзекуторов. Интеллектуалы воскрешают в памяти прочитанное, обмениваются знаниями с такими же, как они, стараются обсуждать то, что удалось сохранить в памяти, то есть обеспечивают себе «интеллектуальное выживание»²³. Задачей П. Нейрата было доказать, что распространенный уже в то время аргумент о всеобщей пассивности жертв лагерей не имеет права на существование – сопротивление системе существовало, хотя и не в тех формах, которые считаются привычными (этот вопрос также рассматривается в заключительной главе работы).

Работа П. Нейрата во многом предвосхитила дискуссии на тему о «банальности зла» в лагерях (об этом в данной работе речь пойдет в отдельной главе) и показала, что среди эсэсовцев были совершенно разные люди – от патологических личностей до совершенно безразличных, скучающих людей, которые были жестоки лишь потому, что им не хотелось отставать от своего окружения. Примечательно, что П. Нейрат не рассказывает об освобождении узников

²² Neurath P. The Society of Terror: Inside the Dachau and Buchenwald Concentration Camps / Edited by Nico Stehr and Christian Fleck. Paradigm Publishers, 2005.

²³ Neurath P. The Society of Terror: Inside the Dachau and Buchenwald Concentration Camps / Edited by Nico Stehr and Christian Fleck. Paradigm Publishers, 2005. С. 132–133.

(то есть о своем освобождении), что, по мнению редакторов книги, означает, что «обсуждение концентрационных лагерей не может быть завершено»²⁴. Таким образом, уже в годы войны вышло несколько исследований, положивших начало изучению феномена Концентрационного мира. Однако для того, чтобы появились более масштабные работы, рассматривающие нацистские лагеря и их жизнь как целостное явление, война должна была закончиться.

Сразу по ее завершении вышла книга проведенного в Бухенвальде почти шесть лет философа Ойгена Когона «Государство СС», написанная в 1945 году и увидевшая свет год спустя²⁵. В основу данного исследования легли не только личные переживания О. Когона, но также архивные документы Бухенвальда и других концентрационных лагерей. Ойген Когон, как ни парадоксально, в молодости сторонник Отмара Шпанна – идеолога фашистского австрийского ополчения «Хеймвер» и члена австрийской нацистской партии, сумел переосмыслить свои ранние симпатии и очень глубоко, серьезно, всесторонне проанализировать механизмы существования Концентрационного мира, его структуру, психологию узников и эсэсовцев, быт и повседневность лагерей.

В процессе работы над книгой, когда все ужасы этого мира еще были очень свежи в памяти, Когон не раз сомневался в целесообразности этой работы. «Текст находится на грани того, что дозволено нравственностью, – писал он, – поскольку с точки зрения содержания едва ли приносит какое-то благо. О бездне, по которой я скитался семь лет среди таких же, как я, немых и проклятых, лишенных даже тени человеческого достоинства, нельзя сказать ничего хорошего. Но... возможно, он сможет предостеречь Германию от повторения того же самого, а мир – от подобного. И если я хочу, чтобы данная книга достигла цели, я должен представить в ней голую правду, описать все так, как оно было, и никак иначе, без приукрашивания, выдумок *ad usum delphini* и умолчаний. Представить не частности, а всю систему... Ничто, кроме правды, не сможет нас освободить. Как христианин и политик, просто как человек я должен сделать то же, что делает врач, – он честно описывает больному его состояние, чтобы победить болезнь и предотвратить рецидив. Для меня, как для врача, не существует иных точек зрения, кроме той, которая показывает все, как есть. Но то, что есть, ужасно»²⁶. Для Когона, который оценивал национал-социализм с точки зрения верующего католика, Концентрационный мир был неизбежным следствием отказа Европы от христианских принципов, место которых занял всеобъемлющий нигилизм.

О. Когону важнее всего было понять, как существовала и функционировала структура СС – ядро Третьего рейха, она создавала и поддерживала существование системы концентрационных лагерей нацизма и в случае победы Гитлера стала бы точкой сборки нового общеевропейского государства. Он подчеркивает парадоксальность и противоречивость этой структуры – безумные оргии сменялись массовыми расстрелами, люди, не имевшие даже основ общечеловеческой культуры, утопали в аристократической роскоши, часто принимавшей чрезмерный, на грани извращения, характер: так, жена руководителя одного из концентрационных лагерей принимала ванны только в шампанском. Именно эта парадоксальность и противоречивость привлекает внимание исследователя – Когон убежден, что только подробный и внимательный анализ «Государства СС» заставит немцев, которые не хотели поверить в существование Концентрационного мира, согласиться со своей долей вины в произошедшем – не случайно отдельная глава в книге («Немецкий народ и концлагеря») посвящена «взаимоотношениям» основной массы немцев и Концентрационного мира. Книга О. Когона на многие годы задала стандарт работы по генезису и общему бытованию Концентрационного мира, была переведена на несколько языков и в 1946–1947 годах продолжена публикациями Д. Руссе и Ж. Тийон,

²⁴ Там же. С. 301.

²⁵ Kogon E. Der SS-Staat. Das System der deutschen Konzentrationslager. München, 1946.

²⁶ Kogon E. Der SS-Staat. Das System der deutschen Konzentrationslager. München, 1946. С. 11.

узника и узницы Бухенвальда и Равенсбрюка, которые анализировали феномен Концентрационного мира с позиций наблюдателя из Бухенвальда и Равенсбрюка²⁷.

Почти одновременно с работой О. Когона (в 1946 году) увидела свет работа «Психолог в концлагере»²⁸ психиатра Виктора Франкла, бывшего заключенного лагерей Освенцим, Кауфферинг III, Терезиенштадт и Тюркхайм (один из лагерей, входивших в комплекс Дахау). До войны Франкл специализировался на лечении депрессий и самоубийств в Венском университете, организовав в 1930 году специальную программу для студентов. Затем он открыл свою собственную практику, но после Аншлюса в 1938 году ему, как еврею, было запрещено лечить пациентов-неевреев. Он стал директором психиатрической клиники, где, рискуя жизнью, ставил ложные диагнозы, чтобы защитить пациентов от эвтаназии. В 1939 году он вместо эмиграции в США предпочел остаться в Австрии со своими родителями, и три года спустя Франкл, его родители и жена Тилли были отправлены в концлагерь Терезиенштадт. Отец Франкла умер в концлагере, мать погибла в газовой камере Освенцима, жена умерла в Берген-Бельзене незадолго до освобождения лагеря. В Тюркхайме Франкл начал тайно помогать заключенным, решившимся на самоубийство, – позднее он подчеркивал, что самым главным было научить отчаявшихся людей, что на самом деле не имеет значения, чего они ждут от жизни, – гораздо важнее то, что жизнь ожидает от них.

После освобождения Франкл вернулся в Вену, и на следующий год в течение девяти дней он надиктовал одну из самых известных своих книг. Если Б. Беттельгейм описывал свой лагерьный опыт с точки зрения психолога, то В. Франкл – с точки зрения психиатра (в лагере он работал психиатром в больнице). В. Франкл в своей работе подчеркивает и описывает возможность сохранения и обретения смысла жизни даже в лагере. Данная работа стала фундаментом целого направления в психиатрии под названием «экзистенциальная терапия» и является сегодня одной из наиболее известных и читаемых работ о проблематике Концентрационного мира.

В 1947 году небольшим тиражом была издана книга бывшего заключенного Освенцима, итальянского поэта, эссеиста и прозаика Примо Леви «Человек ли это?»²⁹, ставшая одной из наиболее важных попыток осмысления феномена Концентрационного мира. В 1958 году работа П. Леви выдержала еще одно издание и была переведена на три европейских языка, среди которых был и немецкий. Значение этой работы в том, что именно в ней в общественное сознание Европы была введена проблематика Холокоста и вместе с этим было поставлено несколько вопросов о самой возможности существования лагерей массового уничтожения, о природе и психологии тех, кто осуществлял убийства. Впервые именно у П. Леви была сделана попытка отразить все характерные детали лагерной жизни: прибытие, размещение, работу, прием пищи, голод, внутреннее сопротивление. Эта работа открыла целую серию текстов П. Леви (книг, статей, интервью), в которых в последующие годы он продолжал рассматривать отдельные аспекты бытия Концентрационного мира.

В том же 1947 году почти одновременно с книгой П. Леви увидела свет работа бывшего узника Бухенвальда, Гандерсхайма и Дахау Робера Антельма «Род человеческий»³⁰ (издана в Германии спустя два года). Место этой книги в интеллектуальном пространстве послевоенной Европы было очень значительно. «Одними она воспринимается как знак смерти литературы, –

²⁷ Rousset D. The Other Kingdom. New York: Reynal and Hitchcock, 1947; Tillion G. A la recherche de la verite // Les Cahiers du Rhone. Neuchatel. 1946. Последняя работа выдержала несколько изданий с авторскими дополнениями.

²⁸ Frankl V. Ein Psycholog erlebt das KZ. Vienna, 1946. Вторым изданием книга вышла в 1959 году под названием «Из лагеря смерти к экзистенциализму» (Frankl V. From Death Camp to Existentialism: A Psychiatrist's Path to a New Therapy. Boston: Beacon Press, 1959).

²⁹ Levi P. Se questo è un uomo. Turin: De Silva, 1947.

³⁰ Antelme R. L'Espèce humaine. Paris: Robert Marin, 1947.

писал С. Фокин, – тогда как другие видят в ней симптом зарождения новой словесности»³¹. Р. Антельм намного опередил Х. Арендт, З. Баумана и Д. Агамбена, когда утверждал, что концентрационный лагерь есть естественное продолжение существовавшего прежде порядка вещей, то есть эксплуатация человека человеком, на которой держится цивилизация, была всего лишь развита и усовершенствована в лагерях, но не является их исключительным изобретением. Лагерь есть всего лишь гипертрофированное, уродливое отражение повседневности.

Задача автора в этих условиях – противостоять забвению (здесь Р. Антельм был близок большинству тех узников, кто решил устно или на бумаге свидетельствовать о своем трагическом опыте). Пребывание в лагере привело Антельма, как и многих других, к аксиологическому кризису. «Когда мне станут говорить «Бог», я буду отвечать «Дахау» – эта максима точно отражает его отношение к метафизической реальности после лагеря. В результате этого кризиса сакральное и профанное у Антельма меняются местами, то есть если для Бога нужно сохранить душу, то в Дахау нужно любой ценой сохранить тело, ускользнув от реальности лагеря. Поэтому, согласно Р. Антельму, эскапистскому мироощущению в лагере должно быть подчинено все, даже смерть. «Смерть сильнее, чем СС. СС не в силах преследовать человека после смерти... Были моменты, когда можно было покончить с собой, только чтобы продемонстрировать силу в отношении СС, представившись закрытым объектом, каким мы становимся после смерти, мертвым телом, повернувшимся спиной, плюющим на их законы, уходящим к пределу»³². Если бы Р. Антельм продолжил свидетельствовать, то его работы были бы не менее известны и имели бы не меньшее значение, чем книги П. Леви или С. Визенталя. Однако «Род человеческий» остался, как и у П. Нейрата, единственной книгой Р. Антельма.

На следующий год после выхода работ П. Леви и Р. Антельма увидела свет статья психолога, бывшего заключенного Бухенвальда Эрнста Федерна «Террор как система. Бухенвальд как он был»³³. Сын известного психолога П. Федерна, как он сам себя называл, «психолог от рождения», Э. Федерн, как и Б. Беттельгейм, с которым он встречался в заключении в Бухенвальде, обратил в своей статье внимание на то, как в условиях лагеря работают описанные до войны Сандором Ференци и Анной Фрейд механизмы защиты, выражающиеся в отождествлении жертвы и агрессора. Э. Федерн на основании собственных наблюдений подтвердил, что те защитные механизмы, которые считались ранее присущими главным образом только детям, оказались характерными и для взрослых людей, когда последние находятся в регрессивном состоянии психики. Как и Б. Беттельгейм, Э. Федерн нашел наглядное подтверждение двух важных психоаналитических гипотез: при сильном психическом напряжении человек регрессирует и развивает в себе инфантильные механизмы защиты.

В 1949 году была издана работа «Сильнейшие: свидетельство»³⁴ заключенного Дахау, Освенцима и Нойенгамме Г. Лангбейна. В Освенциме Лангбейн был помощником врача-эсэсовца в лазарете, регулярно встречался с Менгеле и видел то, что не было доступно обычным заключенным. После освобождения он с трудом издал указанную работу, написанную в 1947–1948 годах, после чего наступил значительный перерыв. «У моей работы был долгий подготовительный период, – пишет он, – первый набросок я сделал 30 января 1962 года, но все равно еще не был уверен в необходимости моего труда»³⁵. Подтолкнул Лангбейна к продол-

³¹ Фокин С. Варлам Шаламов и Робер Антельм: на скрещенье гуманизма // Понятие гуманизма: русский и французский опыт. М., 2006. С. 84.

³² Antelme R. L'Espèce humaine. Paris: Robert Marin, 1947. P. 45.

³³ Federn E. Terror as a System. Concentration Camp (Buchenwald as it was) // Psychiatric Quarterly Supplements. 1948. № 22. Позднее многие положения этой статьи были развиты в книге «Свидетельствующий психоанализ. Из Вены в Вену через Бухенвальд и США». См.: Federn E. Witnessing psychoanalysis. From Vienna back to Vienna via Buchenwald and the USA. London: Karnac Books, 1990.

³⁴ Langbein H. Die Stärkeren. Ein Bericht. Wien: Stern-Verlag, 1949.

³⁵ Langbein H. People in Auschwitz. The University of North Carolina Press, 2005. P. 7.

жению работы Франкфуртский процесс над функционерами Освенцима 1963–1965 годов, на котором он присутствовал, и после его завершения Лангбейн опубликовал двухтомный документальный отчет о процессе.

Это побудило его к написанию новой книги, и эта работа заняла почти десять лет. Лангбейн собирал источники, опрашивал выживших свидетелей, анализировал свой собственный опыт и свидетельские показания эсэсовцев на Франкфуртском процессе. Результатом стала работа «Люди в Аушвице»³⁶, вышедшая в 1972 году. В беседе с австрийским политологом А. Пелинке он пояснил, что использование слова «люди» должно было показать, что он в своей работе стремится быть максимально объективным и не демонизировать даже эсэсовцев. «В своей работе, – пишет Лангбейн, – я руководствовался принципом, сформулированным Анджеем Виртом в его постскриптуме к рассказам Тадеуша Боровского об Освенциме: «Чтобы добраться до истины, говоря о массовых убийствах в XX веке, нельзя демонизировать убийц или сакрализировать жертвы. Главным предметом обвинения должна стать бесчеловечная ситуация, созданная фашистской системой»³⁷. Именно поэтому работа Лангбейна условно делится на две части: в первой он подробно рассматривает жизнь, быт и психологию заключенных, во второй делает попытку понять противоположную сторону – эсэсовцев и капо.

Одна из главных мыслей работы состоит в том, что настоящий Освенцим знают только его узники и больше никто, поэтому никто не сможет адекватно сопереживать выжившим, равно как и никто не сможет адекватно понять виновников произошедшего в Освенциме ужаса. Использование при описании концентрационных лагерей характерной инфернальной терминологии: «ад», «дьяволы» – свидетельствует именно о том, что происходившее в Освенциме и других лагерях находилось за пределами человеческого мира и не могло быть описано в привычных, «посюсторонних» терминах. Лангбейн одним из первых подметил абсолютную субъективность и противоречивость любого свидетельства о Концентрационном мире. «Каждый из нас хранит свои личные, крайне предвзятые воспоминания и пережил «свой» Освенцим. Жизнь человека, который всегда был голоден, заметно отличалась от жизни заключенного, имевшего работу; Освенцим 1942 года сильно отличался от Освенцима 1944 года. Каждый лагерь комплекса «Освенцим» был своим собственным миром, и именно поэтому многие выжившие в Освенциме, видя чужие свидетельства, говорят: «Это выглядит совсем не так, как я это воспринимал» или «Это для меня новость»³⁸. Понимая это, Лангбейн стремился привлечь для своей работы максимальное количество свидетельств, то есть его работа имеет ценность и как собрание источников по данной теме. Таким образом, Лангбейну одному из первых удалось представить полную картину жизни и быта в лагере (причем с двух противоположных сторон), картину, претендующую на относительную объективность.

В 1954 году выходит еще одна работа, в которой делалась попытка понимания психологической природы узника в сочетании с его физическим состоянием. Она была создана бывшим заключенным Освенцима и еще нескольких лагерей Эли Ароном Коэном. Книга в 1952 году была представлена в Утрехте в виде докторской диссертации, и в ее основе, как и в основе работ других узников, лежал личный пережитый опыт. Два года спустя диссертация была опубликована в виде монографии под названием «Человеческие привычки в концентрационном лагере»³⁹. В предисловии к книге Э. Коэн писал: «Когда я работал над докторской диссертацией в 1952 году... все, что я пережил в концентрационных лагерях, было еще живо в моем сознании»⁴⁰. Э. Коэн сознавал, что личный субъективизм, особенно субъективизм, вызванный

³⁶ Langbein H. Menschen in Auschwitz. Wien: Europa Verlag, 1972. Цитаты из этой книги в данной работе приводятся по английскому изданию: Langbein H. People in Auschwitz. The University of North Carolina Press, 2005.

³⁷ Langbein H. People in Auschwitz. The University of North Carolina Press, 2005. P. 8.

³⁸ Там же. Langbein H. People in Auschwitz. The University of North Carolina Press, 2005. С. 14.

³⁹ Kohen E. Human Behavior in the Concentration Camp. London, 1954.

⁴⁰ Там же. С. 8.

условиями лагеря, может создать автору помехи, и поэтому подчеркивал, что намерен писать как можно более объективно, стараясь не делать личный опыт красной нитью исследования.

Э. Коэн, находясь, очевидно, под влиянием О. Когона, также воспринимает, не дифференцируя, пространство Концентрационного мира, считая, что Освенцим отличался от других лагерей лишь тем, что в нем убийства носили массовый характер. Организм концентрационного лагеря рассматривается Э. Коэном с нескольких позиций: общая ситуация, медицина (болезни заключенных и медицинские эксперименты), психология узников и психология эсэсовцев. Говоря об общей ситуации, автор сравнивает три категории заключенных – тех, кто в лагере впервые, тех, кто уже был в лагерях, но других (трудовых, для военнопленных и т. д.), и тех, кто уже был в концентрационных лагерях. Он исследует систему иерархий, которая возникала в этих группах, и взаимовлияние этих иерархий, которые в совокупности составляли сложный мир лагеря. Опираясь на выводы О. Когона, автор рассматривает общую организацию лагерей и структуру их персонала и обсуждает формы уничтожения узников, основываясь на личных наблюдениях. В итоге автор приходит к выводу, что пропасть понимания, которая лежит между выжившими в лагерях и теми, кто никогда не был узником, невозможно преодолеть. Этот вывод станет одним из главных итогов попыток понимания Концентрационного мира не только Э. Коэном, но и многими другими непосредственными наблюдателями.

Второй раздел написан им с позиции свидетеля – лагерного врача. Подробно исследуя болезни заключенных и причины заболеваний (прежде всего хронический голод), он пришел к парадоксальному заключению, что в условиях лагеря некоторые заболевания, такие как астма, гипертония, различные неврозы, переходили в стадию ремиссии. Таким образом, люди, которые, казалось бы, были обречены, наоборот, выживали. Что касается медицинских экспериментов, то здесь Э. Коэн, не будучи непосредственным их свидетелем, опирается на другие источники, в частности на материалы Нюрнбергского процесса.

Исследование психологии узников и эсэсовцев с точки зрения теории З. Фрейда приводит Э. Коэна к выводу, что эти две категории были абсолютными противоположностями. Прежде всего потому, что узники не имели авторитетных лидеров, с которыми они могли бы себя идентифицировать. В итоге потребность в самоидентификации уступает место потребности найти еду и прожить день, и возникает конфликт «эго» и «суперэго», в результате которого «суперэго» проигрывает. У эсэсовцев, напротив, такой лидер был, благодаря чему их идентичность была сильной и суперэго доминировало над всеми другими чувствами. В итоге Э. Коэн приходит к выводу, что заключенные представляли собой толпу, почти не имевшую общественного сознания, в то время как эсэсовцы таким сознанием, причем четко выраженным, обладали. Все это являлось важнейшим фактором, лишавшим узников способности к сопротивлению. Состояние узника в лагере Э. Коэн описывает как острую деперсонализацию, которая проходила несколько этапов: от максимальной отстраненности от происходящего, восприятие происходящего как абсурда и до полной адаптации, которая выражалась в сведении своих потребностей до минимума и максимальном отдалении своего сознания от того, что творилось вокруг.

В начале 1950-х годов, несмотря на первоначальный всплеск интереса к нацистским концентрационным лагерям, их тема исчезла из европейского общественного сознания и, соответственно, историографии и вернулась только после 1960 года, когда процесс Эйхмана в Израиле вновь актуализировал сюжеты, связанные с Концентрационным миром. Поэтому закономерно следующей важной попыткой осмысления этого мира стала книга одного из самых ярких авторов, писавших о Концентрационном мире, писателя и философа Ганса Майера, известного под псевдонимом Жан Амери (анаграмма имени), – бывшего заключенного лагерей Буна-Моновиц, Бухенвальд и Берген-Бельзен. Он очень долго не хотел говорить о своем лагерном опыте. Только после процесса Эйхмана 1961 года, процесса по Освенциму в конце 1963 года и в целом

в результате того, что к этому времени дискуссии о цене Второй мировой войны, вине немцев и моральных последствиях концлагерей вновь оказались в центре европейской интеллектуальной жизни, он впервые выступил с текстом о судьбах заключенных лагерей и рассказал о своем опыте. Таким образом был снят «обет молчания», и следствием этого было появление два года спустя главной работы Ж. Амери «За пределами вины и искупления»⁴¹, без которой сегодня не обходится ни одно исследование о Концентрационном мире и Холокосте. Помимо этой работы он стал автором еще нескольких трудов, среди которых – «Рождение современности. Формы и формирования западной цивилизации с конца войны»⁴², «Непоучительные годы странствий»⁴³ и др.

Все эти работы, а также тысячи статей, написанных им, подчеркивали нежелание Ж. Амери отказаться от трагического опыта своего прошлого даже в угоду современным интеллектуальным тенденциям и видеть в этом прошлом предостережение против многих тенденций в европейской мысли второй половины XX века. Последовательный противник постмодернистского тезиса о «смерти человека», Ж. Амери неоднократно подчеркивал, что в нынешних условиях, когда на смену человеку приходят знаки и коды, прошлое для него по-прежнему чрезвычайно важно. Он одним из первых послевоенных философов указал на то, что «расчеловечивание» человека в интеллектуальном пространстве Европы второй половины XX столетия ничуть не лучше нацистского *Entmenschung* и грозит теми же самыми последствиями.

Его пугала все более распространяющаяся в науке тенденция к сопоставлению в базовых позициях человека и животного, так как именно на этом сопоставлении во многом строилась нацистская машина уничтожения. Человек, указывал Ж. Амери, «в самом широком понимании этого слова – не вещь...» (восприятие человека как вещи также было характерно для лагеря), и он подчеркивал базовое различие человека и животного, которое состоит в том, что последнее существует в «окружающей среде», а первый – «в мире». Животное находится «в некоторой ситуации», а человек противостоит ситуациям, и это противостояние в лагере было явлено с предельной очевидностью.

Ключевым инструментом нацизма, инструментом, который, будучи направлен против врагов, одновременно создавал и укреплял саму систему, Ж. Амери считает пытку. «Пытка не была изобретением немецкого национал-социализма, – пишет он, – но она была его апофеозом. Гитлеровец не достигал еще своей полной идентичности, если был только проворный, как белка, жесткий, как подошва, твердый, как крупковская сталь. Никакой золотой партийный значок не делал его полноценным представителем своего фюрера и его идеологии, никакой кровавый орден и никакой рыцарский крест. Он должен пытаться, уничтожать, чтобы «быть великим в безжалостности к страданиям других»⁴⁴.

Ж. Амери констатирует в своих работах тотальное одиночество заключенного, его полное бессилие. Дух «человека Просвещения», то есть европейского человека, истощается в нечеловеческих условиях лагеря и не может помочь справиться с теми испытаниями, которые переносит узник. Это бессилие духа приводит к спокойному наблюдению за страданиями других. Сопряженные с ним муки совести остаются с узником после его освобождения, статус, по точному выражению А. Ахутина, «истинного мученика неучастия», сознающего «неустранимость и незаместимость своего участия»⁴⁵, не дает возможности полноценно ощутить свободу. Одним из первых Ж. Амери сделал страшный для всех выживших вывод: если ты выжил, значит, за счет кого-то. Также в своих работах Ж. Амери восставал против многих упрощений

⁴¹ Amery J. *Jenseits von Schuld und Sühne: Bewältigungsversuche eines Überwältigten*. München: Svczcsny, 1966. На русском языке книга известна под названием «По ту сторону преступления и наказания. Попытки одоленного одолеть». М., 2015.

⁴² Amery J. *Geburt der Gegenwart. Gestalt und Gestaltungen der westlichen Zivilisation seit Kriegsende*. Walter Verlag, 1961.

⁴³ Amery J. *Unmeisterliche Wanderjahre*. Ernst Klett Verlag, 1971.

⁴⁴ Амери Ж. По ту сторону преступления и наказания. Попытки одоленного одолеть. М., 2015. С. 78.

⁴⁵ Ахутин А. Анкета // Наше положение. Образ настоящего. М., 2000. С. 175.

и искажений, которыми грешило западноевропейское общественное мнение, когда обсуждало концентрационные лагеря.

В 1960 году была издана новая работа Б. Беттельгейма «Просвещенное сердце»⁴⁶. В предисловии автор признается, что начал интересоваться феноменом немецких концентрационных лагерей задолго до того, как сам оказался их узником. «Когда же это случилось, я стал интенсивно изучать лагерь изнутри»⁴⁷ и, как говорилось выше, стал одним из первых узников, кто проанализировал свой лагерный опыт. С самого первого дня пребывания в лагере Беттельгейм решил исследовать поведение людей в экстремальной ситуации, а поскольку ничего записывать было нельзя, он приучил себя заучивать впечатления и собственные мысли. Из совокупности впечатлений и их анализа и родилась книга. Исследуя лагерь, Б. Беттельгейм рассуждает в целом о поведении человека в нештатной ситуации, вскрывает механизмы реализации этой ситуации и рассматривает на примере лагеря взаимоотношения личности и государства в условиях тоталитаризма. Согласно автору, человек, способный сохраниться в чрезвычайно ситуации морально, способен сохраниться и физически, и наоборот. Б. Беттельгейм указывает, что для этого было необходимо. «Для выживания необходимо, невзирая ни на что, овладеть некоторой свободой действия и свободой мысли, пусть даже незначительной. Две свободы – действия и бездействия – наши самые глубинные духовные потребности, в то время как поглощение и выделение, умственная активность и отдых – наиболее глубинные физиологические потребности. Даже незначительная, символическая возможность действовать или не действовать, но по своей воле (причем к духу и к телу это относится в одинаковой мере) позволяла выжить мне и таким, как я»⁴⁸.

Б. Беттельгейм подробно рассматривает все формы изменения человека в условиях лагеря: какие виды принимает самоопределение человека, как он приспосабливается к существующим условиям, как работают механизмы психологической защиты, эмоциональные связи, как выбираются «мишени для злости». Одним из первых Б. Беттельгейм на конкретных примерах рассмотрел связку «преследователь – жертва» и зафиксировал механизм взаимной демонизации в рамках этой связки. Проведя глубокий анализ генезиса и форм тоталитарного государства, Б. Беттельгейм продолжил дискуссию о тоталитаризме, начатую ученицей М. Хайдеггера, философом Ханной Арендт, заявив о «психологической притягательности тирании».

«Ясно, что чем менее мы парализованы страхом, – пишет Б. Беттельгейм, – тем больше уверены в самих себе, тем легче нам противостоять враждебному миру. И наоборот, чем меньше у нас сил и если они к тому же не подкрепляются более уважением нашей семьи, защитой и спокойствием, которые мы черпаем в собственном доме, тем менее мы способны встретить лицом к лицу опасности окружающего мира... Тирания государства подталкивает своих подданных к мысли: стань таким, каким хочет видеть тебя государство, – и ты избавишься от всех трудностей, восстановишь ощущение безопасности во внешней и внутренней жизни. Ты обретешь спокойствие и поддержку в своем доме и получишь возможность восполнять запасы эмоциональной энергии. Можно суммировать следующим образом: чем сильнее тирания, тем более деградирует ее подданный, тем притягательней для него возможность «обрести» силу через слияние с тиранией и через ее мощь восстановить свою внутреннюю целостность»⁴⁹.

⁴⁶ Беттельгейм Б. Просвещенное сердце // Человек. 1992. № 2–6. Полностью книга на русском языке в печатной версии была издана только осенью 2021 года «Издательством редких книг» К. Потупчик. (См.: Беттельгейм Б. Просвещенное сердце. Автономность человека в эпоху массовых обществ. М., 2021). Полный текст книги неизвестного переводчика также доступен в Сети. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=108094&p=47>. Поскольку печатная версия книги была издана после того, как данная монография была завершена, в работе используются печатная версия из журнала и указанная электронная версия.

⁴⁷ Беттельгейм Б. Просвещенное сердце // Человек. 1992. № 2. С. 67.

⁴⁸ Беттельгейм Б. Просвещенное сердце // Человек. 1992. № 2. С. 74.

⁴⁹ Там же. С. 99.

Важной заслугой Б. Беттельгейма стала его попытка понять, как стали возможны массовые убийства и что представляет собой психология массового убийцы. Не менее важны и рассуждения автора о роли страха, производимого концлагерями и транслируемого на ту часть населения, что оставалась за пределами лагеря. Таким образом, Б. Беттельгейм на много лет невольно предвосхитил не только эксперименты А. Бомбара по выживанию в чрезвычайных условиях, но и исследования, посвященные природе страха, как, например, работу Р. Салецл⁵⁰.

В 1968 году увидела свет книга бывшего заключенного франкистского концентрационного лагеря, польского психолога, психиатра и философа Антона (Антония) Кемпинского «Освенцимские рефлексии»⁵¹. В 1950-х годах он принял участие в работе по реабилитации выживших узников Освенцима – этот опыт лег в основу указанного труда, а позднее еще нескольких статей: «Anus mundi», «Кошмар», «К психопатологии сверхчеловека», «Рампа», «КЛ-синдром» и др. (все эти статьи вошли в сборник «Экзистенциальная психиатрия», вышедший на русском языке в 1998 году)⁵². Главной заслугой А. Кемпинского стало выявление особого состояния узника лагеря после освобождения. Это состояние исследователь назвал «КЛ-синдром (синдром концлагеря)», или «постлагерной болезнью». «Часто постлагерные последствия проявляются лишь много лет спустя после выхода из лагеря, – писал он. – Основным вопросом, однако, является вопрос о том, что среди этих разнородных болезненных последствий есть такое, что позволяет объединить их общим названием «синдром концлагеря» либо «постлагерная болезнь». Они разные и страдают разными болезнями, обусловленными пребыванием в лагере, и, однако, имеют что-то общее.

Именно этот факт, как представляется, явился мотивом введения первыми исследователями термина «КЛ-синдром». Этот синдром с годами становился еще более выраженным... Поэтому бывшие узники, в общем, очень чувствительны к аутентичности контактов с людьми; они лучше всего чувствуют себя среди своих, так как только с ними у них есть общий язык; к другим людям они питают определенное недоверие. Изменения личности, наблюдаемые у бывших узников, в определенной степени подобны изменениям, остающимся после психоза, особенно шизофренического типа. И те и другие после того, что пережили, как бы не могут снова вернуться на землю. Необычность их переживаний слишком велика, чтобы поместиться в диапазоне переживаний нормальной жизни»⁵³. В своих работах А. Кемпинский касается очень широкого круга вопросов – как человек превращается в лагере в автомат, как работает структура по превращению людей в машины, особенностей психологии убийц, какие тенденции из Концентрационного мира угрожают возродиться в современности? То есть А. Кемпинский добавил очень многое к той картине общего состояния системы Концентрационного мира, психологического, ментального состояния узника, которая была создана Б. Беттельгеймом за несколько лет до этого.

В 1973 году была издана работа польской исследовательницы, социолога, бывшей узницы Освенцима Анны Павельчинской «Ценности и насилие в Аушвице»⁵⁴, посвященная базовым основам существования узников концентрационных лагерей. Автор работы рассматривает Освенцим как «социологическую проблему» и отмечает соблазн подойти к изучению «конкретного изолированного общества, состоящего из тех, кто подвергается насилию, и тех, кто его порождает». Но здесь возникает препятствие: «ограничившись этим, можно радикально уменьшить потенциал понимания социального феномена концентрационного лагеря – феномена, которому противостоит современный западный ум, сформированный европейской гума-

⁵⁰ Салецл Р. О страхе. М., 2015.

⁵¹ Kępiński A. Refleksje oświęcimskie: rampa. Psychopatologia decyzji, «Przegląd Lekarski – Oświęcim». 1968. No. 1.

⁵² Кемпински А. Экзистенциальная психиатрия. М. – СПб., 1998.

⁵³ Кемпински А. Экзистенциальная психиатрия. М. – СПб., 1998. С. 146.

⁵⁴ Pawełczyńska A. Values and Violence in Auschwitz. A Sociological Analysis / Trans. Catherine S. Leach. Berkeley: University of California Press, 1980.

нистической культурой, христианской этикой и идеями свободы, равенства и братства»⁵⁵. А. Павельчинская считает, что Концентрационный мир, невзирая на кажущуюся изолированность, оказал огромное влияние на Европу и ценности гуманизма.

Что касается «человеческого пространства» лагеря, то исследовательница подошла к нему с точки зрения угроз тем, кто там находился. Пребывая в условиях доминирования «агрессивного пространства», узники лишались возможности создать целостные группы, рамки которых защитили бы членов группы от внешней среды. А. Павельчинская отмечает, что отдельно взятый узник сознавал важность отношений с другими заключенными, и особенно «уровень его социальных связей с другими заключенными, систему отношений, связывающих меньшие и большие группы заключенных»⁵⁶. Сообщества заключенных начинали создаваться по принципу самоорганизации сразу по прибытии, еще в карантине. «Пассажиры» из одного и того же транспорта образовывали небольшие стихийные группы, борющиеся за свою жизнь. На этом же этапе, когда у большинства заключенных все еще был относительный запас прочности, в группах возникали возможности самореализации для тех, кто был более активным и изобретательным. Такие члены группы могли получить лучшее спальное место (например, на досках, а не на кирпичах или земле), они могли «организовать» себе соломенную подстилку или даже одеяло, у них получалось так управлять ситуацией, чтобы им доставалась лишнюю порцию баланды.

Однако администрация лагерей хорошо видела и понимала эти процессы и не была заинтересована в их развитии. Поэтому конец карантина обычно совпадал с разгоном этих более или менее организованных групп – общую массу узников делили по баракам, рабочим бригадам, где все повторялось вновь: приходилось заново искать поддержки у новых товарищей, вновь добиваться места для сна, условий для еды и т. д. Такие ситуации повторялись регулярно (заключенных перемешивали, переводили из барака в барак, из лагеря в лагерь и т. д.) и тем самым лишали массу узников любой возможности для самоорганизации внутри себя и разрушали могущие возникнуть групповые связи. В итоге единственным «личным» пространством лагеря, по мнению исследовательницы, становились места работы заключенных (и то не все) и нары в бараках. Однако этих мест было недостаточно для формирования своей среды⁵⁷.

В указанных выше работах трудно разграничить исследователя и непосредственного наблюдателя, и в этом их безусловная ценность. То есть это источники и историография одновременно, при этом источниковая часть нередко подавляет историографическую. Необходимо констатировать, что приведенными работами в значительной степени ограничивается круг тех, кто попытался сделать пространство Концентрационного мира пространством личной, научной, философской рефлексии и, что самое главное, кому это удалось.

Отдельную группу источников и одновременно историографии (последней в меньшей степени, нежели в работах предыдущей группы авторов) составляют работы бывших узников, ставших после заключения писателями, поэтами, драматургами и создавших отдельный жанр осмысления опыта выживших в лагерях через литературу, или, по выражению В. Зебальда, занятых «процессом отыскания справедливости посредством писательства»⁵⁸. Говорить в целом о безусловной достоверности работ бывших узников едва ли возможно – трагический опыт всегда слишком субъективирован, у наблюдателя смещена оптика и затруднена способность адекватной передачи впечатлений о пережитом (к этому положению придется неоднократно возвращаться). Однако тезис о невозможности достоверности приобретает особую

⁵⁵ Там же. С. 15.

⁵⁶ Там же. С. 130.

⁵⁷ Pawełczyńska A. Values and Violence in Auschwitz. A Sociological Analysis / Trans. Catherine S. Leach. Berkeley: University of California Press, 1980. С. 50–64.

⁵⁸ Зебальд В. Естественная история разрушения. М., 2015. С. 124.

актуальность, когда приходится обращаться к воспоминаниям, заключенным в литературную форму.

Последняя часто становится важнее содержания, требуя соблюдения жанровых и стилистических особенностей. Поддерживая форму, автор нередко сознательно деформирует содержательность и фактологию и допускает возможность того, что в тексте появляются взаимоисключающие моменты. Последнее для литературного текста (в отличие от научного) не является проблемой. Лингвист А. Жолковский обращает внимание на наблюдение Гёте, касающееся текста «Макбета» Шекспира. Гёте подмечает противоречие в тексте: в одном месте леди Макбет бездетна, а в другом она говорит, что готова убить своих детей, лишь бы ее муж стал королем, – однако Гёте считает это не недостатком, а закономерностью. И эта закономерность объясняется им тем, что в каждом месте художественного текста должно быть самое сильное утверждение, вытекающее из логики событий⁵⁹.

В рамках концепции Лоренса Л. Лангера именно и только в рамках литературных жанров, их особенностей и стилистики свидетель может освободиться от общепринятого языка, действовать вне культурной цензуры, за границами воображения и правил изложения, отменять механизмы самооценки, зависящие от социальных и культурных стереотипов. В этой ситуации фрустрация автора возникает по умолчанию, так как он обязан предусмотреть то обстоятельство, что читатель не воспримет сказанного, но он обязан говорить, даже точно зная, что его не поймут или поймут превратно⁶⁰.

Таким образом, внутренняя логика отдельного сюжета нередко становится более важна, чем логика текста в целом, что хорошо видно по литературным произведениям, созданным бывшими узниками. Кроме того, тщательно выписанные диалоги заключенных, рассудочная, точно выверенная последовательность событий заставляют усомниться в достоверности нарратива, структура которого в целом вступает в противоречие с описанным в тексте измученным, болезненным или предсмертным состоянием автора или главных персонажей. Понимание этих особенностей жанра требует от исследователя перепроверки многих приведенных авторами фактов и тщательного их анализа, в процессе которых возможно в большей или меньшей степени освободить текст от «литературности», его автора – от образа главного персонажа или целого ряда персонажей и вычленить элементы достоверности.

Тем не менее литературные произведения бывших узников – важная и неотъемлемая часть нарратива феноменологии Концентрационного мира, нарратива, без которого многие моменты этого мира не могут быть поняты, так как нередко только литература, играющая значениями, жанрами, стилями, языком (порой на грани абсурда), является самым эффективным инструментарием, с помощью которого возможно ближе всего подойти к достоверности происходящего и ощутить сопричастность чужому травматическому опыту. Роман, повесть, рассказ становятся безусловной формой, обеспечивающей достоверность знания, то есть, минуя эти жанры, невозможно получить доступ к тому, что необходимо знать о произошедшем в лагерях.

Кроме того, литературные жанры хорошо защищают общество от стигматизации драматическим прошлым, снижают его кумулятивный эффект, позволяя отделить травматический сюжет от его носителя, преподнести указанную стигматизацию как опыт травмы вообще или как чей-то анонимный опыт, смягчая поражающий эффект, так как шокирующая правда всегда приходит не вовремя. Разумеется, не все авторы, передававшие в литературной форме лагерный опыт, стремились к рефлексии – значительная часть литературных текстов на данную тему является беллетризованной фиксацией произошедшего. Поэтому в рамках рассматриваемой темы для нас представляют интерес только те авторы, которые сделали в своих произведениях

⁵⁹ Большие слова и маленькие вещи. Беседа А. Жолковского с У. Тиронсом // Rigas Laiks. Русское издание. Зима 2015/2016. С. 93.

⁶⁰ Langer L.L. Holocaust Testimonies: The Ruins of Memory. New Haven – London: Yale University Press, 1991.

попытку анализа и осмысления своего личного трагического опыта пребывания в концентрационном лагере.

Облеченные в литературную форму мемуары узников лагерей начинают появляться почти сразу после окончания войны. В 1945 году увидела свет книга литературных воспоминаний «Знаю палачей из Бельзена»⁶¹ Софьи Посмыш, узницы Освенцима и Равенсбрюка, позднее филолога, писателя и драматурга. Автор в своей работе стремилась не только описать и осмыслить свой лагерный опыт как заключенной, но и поставить себя на место тех, кто охранял и истязал узников, – эсэсовцев, капо, «ауфзеерок». Это была одна из первых попыток разобраться в психологии лагерных убийц и насильников, описать не столько физическое, биологическое, сколько ментальное противостояние двух миров лагеря: эсэсовцев и узников. В последующие годы эта тема была развита писательницей в имеющих мемуарный характер повести «Пассажирка»⁶², вышедшей в 1962 году, и целом ряде рассказов («Каникулы на Адриатике» (1970), «Тот самый доктор М» (1981), «Христос из Освенцима» (2008) и др.).

В 1946 году в Мюнхене выходит сборник «Мы были в Освенциме»⁶³, который стал одной из первых публикаций об этом лагере смерти. Книга была выпущена в Мюнхене издательством Анатолия Гирса, поляка, издателя с довоенным стажем, также бывшего узника Освенцима и Дахау. В книгу, которая родилась из дискуссий об опыте пребывания в концентрационных лагерях, вошли 14 рассказов трех очевидцев, перед именами которых были приведены номера, под которыми они числились в Освенциме (6643 Януша Неля Седлецкого, 75817 Кристина Ольшевского и 119198 Тадеуша Боровского), хотя сами рассказы не подписаны именами авторов. Издатель книги, автор предисловия, также поставил под ним свой лагерный номер 191250. Книга стала библиографической редкостью, так как А. Гирс, не имея необходимых средств для хранения тиража, уничтожил большую его часть.

Из трех авторов книги только Т. Боровский, уже сложившийся поэт и писатель, продолжил литературную деятельность, принесшую ему широкую известность. Сборник включает четыре его рассказа: «День в Гармензе», «Пожалуйте в газовую камеру, дамы и господа», «Освенцим, наш дом» и «Люди, которые пошли дальше». Еще несколько рассказов сборника были им отредактированы. Задача авторов состояла в том, чтобы представить обществу достоверную картину произошедшего в Освенциме (отсюда лагерные номера под именами авторов и редактора), формулу жизни и смерти в нем, и она, судя по реакции читателей, была решена – сборник невозможно было достать. Не случайно рассказы Т. Боровского, вошедшие в этот сборник, впоследствии стали неотъемлемой частью нарратива, связанного с Концентрационным миром.

Спустя два года Т. Боровский выпустил две свои самые знаменитые книги «Прощание с Марией»⁶⁴ и «Каменный мир»⁶⁵, где в беллетристической форме отразился опыт пребывания автора в концентрационных лагерях. Автор, поставив вместо себя в центр повествования студента с тем же именем, что и он сам (Тадек), попытался передать опыт лагеря «изнутри» максимально точно. Жесткий, насмешливый, иногда циничный язык повествования, который Т. Боровский выбрал сознательно, пытаясь нащупать новые формы языка, адекватного пережитому, нарочито беллетризованная форма рассказов нередко вызывали у читателей, привыкших

⁶¹ Posmysz Z. Znam katów z Belsen. Głos Ludu. 30.09.1945.

⁶² Posmysz Z. Pasażerka. Czytelnik, 1962. На русском языке повесть была издана в 1964 году в «Роман-газете» (№ 18 (318)). В настоящей работе используется электронная версия повести. URL: https://royallib.com/read/posmish_zofya/passagirka.html#0.

⁶³ Byliśmy w Oświęcimiu. 6643 Janusz Nel Siedlecki, 75817 Krysytn Olszewski, 119198 Tadeusz Borowski. (Girs Anatol) Verlag: Oficyna Warszawska na Obczyźnie. München, 1946.

⁶⁴ Боровский Т. Прощание с Марией; Рассказы / Пер. с пол. под ред. С. Тонконоговой; сост. С. Ларина; предисл. Т. Древновского; ил. Б. Линке. М., 1989.

⁶⁵ Borowski T. Krotka Przedmowa // Utwory wybrane. Wrocław – Warszawa – Kraków, 1991. На русском языке текст доступен в электронном варианте: Боровский Т. Прощание с Марией. Каменный мир. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/Б/borovskij-tadeush/proshanie-s-mariej/13>.

видеть в воспоминаниях о нацистских лагерях трагизм и ужасы, реакцию отторжения и надолго закрепили за писателем прозвище «проклятого на земле». Многие читатели и критики, обвинявшие писателя в очернительстве, посчитали, что данными текстами Т. Боровский каялся за преступления, совершенные им за колючей проволокой Дахау и Освенцима.

Однако именно этот литературный прием позволял автору попытаться отстраниться от происходящего, оставить пространство для анализа и выводов, так как сам Т. Боровский, по воспоминаниям тех, кто его помнил в лагере, сохранял в заключении смелость, выдержку и достоинство, которые, в частности, выражались в том, что он продолжал писать стихи, – его «Песенку любви и тоски» пели в Освенциме на Рождество польские узники. Одной из своих задач Т. Боровский видел в необходимости показать сквозь трагедию нацистских концентрационных лагерей крушение всей системы западного мира. Не менее ценны в данных работах и попытки автора выяснить, что предшествовало пребыванию человека в лагере и что стало с узниками после их освобождения. То есть Т. Боровский впервые сделал попытку проанализировать психологическое состояние узника после выхода из лагеря.

В декабре 1945 года вышел в свет роман узницы Освенцима, польской писательницы Северины Шмаглевской «Дым над Биркенау»⁶⁶, который позднее выдержал множество переводов на иностранные языки. Благодаря этой книге С. Шмаглевская была приглашена в качестве свидетеля на Нюрнбергский процесс и стала единственной польской женщиной – свидетелем на этом процессе. Участие в нем позднее было отражено ею в книге «Невиновные в Нюрнберге»⁶⁷. В романе «Дым над Биркенау» С. Шмаглевская, проведшая в лагере почти три года (поэтому книга делится на три части), постаралась по личным впечатлениям и со слов свидетелей максимально подробно зафиксировать быт и бытие женщин – узниц Освенцима, а также детали пребывания в лагере узников-мужчин. Тщательная фиксация деталей делает роман С. Шмаглевской похожим на историческую хронику.

На страницах романа автор неоднократно признается, что нарисовать общую картину жизни и функционирования лагеря ей не под силу, но тем не менее данная книга стала одним из важнейших и достовернейших литературных свидетельств о Концентрационном мире. Основная интонация романа – недоумение. Недоумевают живущие в бараках: «– Скажите, – взволнованно шепчет кто-то, – почему мы не сходим с ума, глядя на все это? – А разве мы нормальные, если можем есть, спать, работать рядом с этим? Если можем говорить и даже улыбаться, когда кругом траур... Если не бросаемся на проволоку или на эсэсовцев, пусть даже с голыми руками... Может, это и есть безумие?» Недоумевает молодая еврейка из Лодзи, обреченная на гибель: «Она стоит между женщин и вся в крови, не спуская неподвижного взгляда со столба дыма. Неотвязная мысль сверлит ее мозг, и, не в силах понять происходящее, она с недоумением повторяет: – Ведь немцы – люди. И мы, евреи, тоже люди. Верно? Мы, евреи, люди, и немцы тоже люди». Недоумевает автор: «С каким странным чувством выходишь на поле, то самое поле, куда вывозят пепел. Ноги с опаской ступают по светло-серой поверхности, с которой вздымается ветром легкая пыль. Вот они люди, среди которых ты стоял на поверке еще несколько месяцев тому назад, люди, которые хотели жить. Здесь, на поле, рассыпан пепел тысяч сожженных, и теперь к твоим ногам пристаёт человеческий прах»⁶⁸. С. Шмаглевской одной из первых удалось вслух произнести те вопросы, которые будут задавать сотни выживших и на которые до сих пор нет убедительного ответа.

Роман С. Шмаглевской имеет редкое для такого рода литературы достоинство – при всех драматических деталях он неэмоционален и деполитизирован. С. Шмаглевской удалось избе-

⁶⁶ *Szmaglewska S. Dymy nad Birkenau*. Warszawa: Czytelnik, 1945. На русском языке книга Шмаглевской вышла единственным раз только в 1970 году (*Шмаглевская С. Дым над Биркенау* / Предисл. С. Смирнова; пер. Э. Василевской. М., 1970).

⁶⁷ *Szmaglewska S. Niewinni w Norymberdze*. Warszawa: Książka i wiedza, 1972. На русском языке книга вышла в 1988 году (*Шмаглевская С. Невинные в Нюрнберге* / Пер. Е. Гессен. М., 1988).

⁶⁸ *Шмаглевская С. Дым над Биркенау* / Предисл. С. Смирнова; пер. Э. Василевской. М., 1970. С. 87.

жать соблазна выразить свое личное (и не только) отвращение, презрение и ненависть к администрации лагеря и отдельным эсэсовцам. В нем нет и попыток назвать конкретно виновных в произошедшем или поразить читателя цифрами погибших и описаниями способов их умерщвления. То есть нет всего того, что обычно сильно влияет на степень достоверности и убедительности нарратива.

Роман «Невиновные в Нюрнберге» написан С. Шмаглевской уже совершенно иначе – эмоционально, местами даже зло, и количество вопросов в нем резко умножается, они становятся глобальными. Как могли обычные немцы не замечать страданий и гибели миллионов людей? Как теперь относиться к Германии? Возможно ли возмездие? Как существовать тем, кто сумел выжить? «Почему мы не стоим сегодня на бывших полях брани, вскинув кверху руки, протестуя против деспотизма безумцев? Почему мы не делаем ничего, абсолютно ничего, против буйно помешанных?» С. Шмаглевская сознает свою ответственность как свидетеля на процессе: «Мне предстоит давать показания перед Международным военным трибуналом, а за моими словами будет молчание миллионов людей, навсегда оставшихся в Освенциме»⁶⁹.

В книге она возлагает большие надежды на Нюрнбергский процесс («Нюрнбергский процесс должен явиться плотиной. Чтобы больше никогда не было преступлений. Никогда. Понимаете? Никаких преступлений во всем земном шаре!»⁷⁰), но в описываемых ею разговорах с журналистами, подругой, случайными людьми чувствуется недоверие к тому, что этот процесс действительно явится финалом, что ей самой удастся что-то объяснить и доказать. «И я начинаю понимать всю бесплодность моих намерений, никто не в состоянии передать атмосферу, созданную немцами, отчаяние человека, стоящего перед постоянно разверстой могилой»⁷¹. Не случайно С. Шмаглевскую разочаровало ее собственное выступление: «У меня ощущение полного провала. Я должна была предвидеть, что не справлюсь с этой задачей, это не под силу одному человеку, с этим никто не справится в одиночку»⁷².

Устами своей подружки она описывает, как задевают бывших узников чужие жалость и сострадание, как им хочется сделать все, чтобы печать Концентрационного мира не лежала ни на их лицах, ни на их жизни. «– В Брюсселе я встретила мужчину, который нравился мне до моего ареста... Я разыскала его в первый же день по возвращении из Освенцима. Он пришел ко мне и воскликнул: «Боже! Что они с тобой там сделали?!» Но даже если бы он ничего не сказал, я бы увидела сострадание и ужас на его лице. Этого нельзя скрыть. Он помог мне. Я ему многим обязана. Хорошее начало для старта. Но я больше не решилась встретиться с ним. Мне двадцать семь лет, и я не могла вынести чувства сострадания и жалости, которое вызываю у всех. Меня жалели все, кто меня знал... Я уехала из Брюсселя, я пошла в самый лучший косметический салон. Я решила, что никогда больше не буду бледной и изможденной. В Антверпене я познакомилась с интересными людьми, моими ровесниками. Ко мне вернулось хорошее настроение, мы даже ходили на танцы... Но во сне все это возвращалось, независимо от того, как я проводила день, как веселилась вечером. Во мне просыпался прежний ужас, ледяной страх душил меня по ночам. Но я убегу, я должна избавиться от этого кошмара»⁷³. Таким образом, С. Посмыш, Т. Боровский и С. Шмаглевская встали у истоков литературного осмысления феномена Концентрационного мира – позднее это осмысление было доведено до совершенства в прозе Имре Кертеса.

Венгерского писателя Имре Кертеса, бывшего узника Освенцима, единственного на сегодняшний день венгерского лауреата Нобелевской премии по литературе, называют, как он сам

⁶⁹ Шмаглевская С. Невиновные в Нюрнберге / Пер. Е. Гессен. М., 1988. С. 37.

⁷⁰ Шмаглевская С. Невиновные в Нюрнберге / Пер. Е. Гессен. М., 1988. С. 58.

⁷¹ Там же. С. 96.

⁷² Там же. С. 96.

⁷³ Шмаглевская С. Невиновные в Нюрнберге / Пер. Е. Гессен. М., 1988. С. 97.

признавался, «писателем одной темы». «Я думаю об Освенциме всегда, о чем бы я ни думал на самом деле, – писал он, – и когда я говорю о чем угодно, я говорю в любом случае об Освенциме. Я – спирт, через которого обращается к людям дух Освенцима», – отмечал И. Кертес в «Галерном дневнике» (1992)⁷⁴. Самый известный роман И. Кертеса носит название «Без судьбы»⁷⁵. Работать над ним И. Кертес начал только через пятнадцать лет после окончания войны, над романом он трудился десять лет, и еще пять ушло на то, чтобы добиться публикации. Однако даже после выхода роман остался практически неизвестным широкой аудитории.

Роман написан от имени альтер эго Кертеса – Дюри Кевеша, четырнадцатилетнего гимназиста, в 1944 году отправленного в Освенцим. Кертес устами Кевеша подробно описывает и анализирует происходящее в лагере. Британский литературный критик Николас Лезард называл И. Кертеса лучшим писателем из тех, кто писал о Холокосте, и сравнивал его с Беккетом и Кафкой прежде всего потому, что проза Кертеса проникнута необычным юмором, – не случайно Н. Лезард называет его «интеллигентным Швейком»⁷⁶. Основной конфликт главного героя в книге И. Кертеса возникает между его лагерным опытом и тем, с чем ему пришлось столкнуться в лагере: «Четыре года назад в моей жизни случилось знаменательное событие: меня записали в гимназию. Мне хорошо запомнилось торжественное открытие учебного года. Запомнил я и слова директора... В завершение своей речи, помню, он привел слова какого-то античного мудреца: *Non scolae sed vitae discimus*, то есть «Не для школы учимся, а для жизни». Но раз так, размышлял я, то нас должны были бы с начала и до конца учить Освенциму. Еще в гимназии нам должны были все объяснить, открыто, честно, доступно»⁷⁷.

В своем романе И. Кертес точно обозначил все основные черты быта лагеря, а также проблему понимания между выжившим узником и теми, кому он пытался рассказать о своем лагерном опыте. Название романа отсылает к главному конфликту между узником и реальностью лагеря: судьба, по мнению И. Кертеса, – это то, что человек выбирает для себя самостоятельно. Однако в лагере человек был вынужден жить навязанной извне жизнью, то есть в рамках чужой, коллективной судьбы, и его главной задачей становилось вернуть себе собственную судьбу.

Следующий роман И. Кертеса, «Фиаско»⁷⁸ (1988), посвящен чрезвычайно важной теме – ассимиляции бывших узников в послевоенном мире. Примечательно, что главный герой книги, Старик, пытающийся написать книгу, никак не может начать ее писать, что довольно точно передает состояние узника, пытающегося создать нарратив о своем лагерном опыте. На это же указывает и античный образ Сизифа: пытаться рассказать о пережитом – это сизифов труд, дурная бесконечность, бег по кругу, подстегиваемый равнодушной или ничего не понимающей аудиторией. Темы лагеря и постлагерной жизни раскрываются писателем и в произведениях «Кадиш по нерожденному ребенку»⁷⁹ (1990), «Самоликвидация»⁸⁰ (2003). Если в первых двух романах И. Кертес проанализировал устройство двух тоталитарных систем, с которыми ему пришлось лично столкнуться, то в двух других он разбирается в своих отношениях с жизнью как таковой. «Кадиш по нерожденному ребенку» (1990) – развернутый ответ женщине, которая спрашивает у повествователя, не завести ли им ребенка. Отрицательный ответ, который она

⁷⁴ Kertész I. Galley Boat-log (Galyanaplo): Excerpts // Imre Kertész and Holocaust Literature / Eds Vasvari L. O. and Totósy de Zepetnek S. West Lafayette, IN: Purdue University Press, 2005. P. 67.

⁷⁵ Кертес И. Без судьбы. М., 2004. В данной работе используется электронная версия книги: Кертес И. Без судьбы. URL: <http://detectivebooks.ru/book/1744658/?page=25>.

⁷⁶ Fiasco by Imre Kertész – review. Nicholas Lezard enjoys a comedy of errors. URL: <https://www.theguardian.com/books/2011/jun/02/fiasco-imre-kertesz-review>.

⁷⁷ Кертес И. Без судьбы. URL: <http://detectivebooks.ru/book/1744658/?page=25>.

⁷⁸ Kertész I. Fiasco. Melville House, 2013.

⁷⁹ Кертес И. Кадиш по нерожденному ребенку / Пер. Ю. Гусева. М., 2003.

⁸⁰ Кертес И. Самоликвидация / Пер. Ю. Гусева. М., 2005.

получает, кладет конец их браку, но открывает внутренний монолог, в котором повествователь сам себе объясняет, почему он не может взять на себя ответственность за новую жизнь в мире, где случился – и остался непонятым – Освенцим.

В середине 1950-х годов увидела свет работа опять же бывшего заключенного Освенцима, американского и французского писателя, журналиста, общественного деятеля, будущего лауреата Нобелевской премии мира Эли Визеля. В 1956 году в Аргентине на идише (Э. Визель писал на нескольких языках) вышла его первая книга «И мир молчал»⁸¹, которая больше известна в сокращенном варианте как «Ночь» (первое издание на французском языке было опубликовано в 1958 году)⁸². Книга была переведена на 18 языков и стала началом трилогии – еще две книги носили названия «Рассвет» и «День»⁸³. Эти книги донесли до целого поколения читателей по всему миру образ катастрофы, которая произошла в Концентрационном мире. На сегодняшний день «Ночь» издана более чем на 30 языках, всего же Э. Визель – автор более сорока художественных книг.

В трилогии (и прежде всего в «Ночи») Э. Визель сделал попытку осмысления не только самого пребывания в лагере, но и всех тех обстоятельств, которые привели к нему. Одной из главных линий «Ночи» становится разочарование в Боге, который допустил концентрационные лагеря и мирится с тем, что там происходит. «Повесить подростка на глазах у тысяч зрителей было делом непростым. Комендант лагеря прочел приговор. Все взгляды были прикованы к ребенку... Трое приговоренных вместе встали на табуреты. На три шеи одновременно накинули петли. – Да здравствует свобода! – крикнули двое взрослых. А мальчик молчал. – Где же Бог, где Он? – спросил кто-то позади меня. По знаку коменданта опрокинулись три табурета. Во всем лагере наступила полная тишина... Потом мы опять шли мимо повешенных. Оба взрослых уже были мертвы. Их раздувшиеся синие языки вывалились наружу. Но третья веревка еще дергалась: мальчик, слишком легкий, был еще жив... Я услышал, как позади меня тот же человек спросил: – Да где же Бог? И голос внутри меня ответил: – Где Он? Да вот же Он – Его повесили на этой виселице...»⁸⁴

В то же время, когда создавались данные работы, продолжал пополняться круг собственно источников по жизни и быту концентрационных лагерей. В 1950–1960-х годах начинает выходить ряд воспоминаний бывших узников нацистских концентрационных лагерей, и этот процесс продолжается до настоящего времени⁸⁵, однако лишь немногие авторы мемуаров делают попытки подробного осмысления произошедшего. Среди таких авторов – В. Гоби⁸⁶, К. Живульская⁸⁷, Людо ван Экхаут⁸⁸, О. Ленгель⁸⁹ и другие, их воспоминания легли в основу как некоторых указанных выше работ, так и последующих исследований темы. Все эти работы сыграли очень большое значение прежде всего для тех тысяч выживших узников, которые свидетельствовали о пережитом только устно и тем самым создавали неатрибутируемое в литературных или научных категориях пространство нарратива. Устным свидетельствам большин-

⁸¹ Wiesel E. Un di Velt Hot Geshvign. Buenos Aires, 1956.

⁸² Wiesel E. La Nuit. Paris: Les Editions De Minuit, 1958. На русском языке впервые книга вышла только в 1989 году в издательстве «Яир» имени Авраама Штерна. В данной работе используется издание: Визель Э. Ночь. М., 2017.

⁸³ Визель Э. Ночь. Рассвет. День. М., 1993.

⁸⁴ Визель Э. Ночь. М., 2017. С. 106–107.

⁸⁵ Сегодня объем этих источников уже огромен. Библиотека «Яд Вашем», крупнейшее в мире собрание опубликованных материалов о Холокосте, содержит 167 000 названий на 64 языках, и это собрание еще не завершено. URL: <http://db.yadvashem.org/library/search.html?language=ru>. Очевидно, если суммировать все опубликованные в настоящее время воспоминания о нацистских концентрационных лагерях, то их общий объем будет значительно больше.

⁸⁶ Гоби В. Детская комната. Харьков – Белгород, 2016.

⁸⁷ Живульская К. Я пережила Освенцим. URL: http://militera.lib.ru/memo/other/zywulska_k01/text.html.

⁸⁸ Экхаут Л. ван. Молчать нельзя. Это было в Дахау. М., 1976.

⁸⁹ Lengyel O. Five Chimneys: A woman Survivor's True Story of Auschwitz. London, 1984. Первое издание вышло во Франции в 1946 году под названием «Souvenirs de l'au-delà» (Memoirs from the Beyond).

ству слушателей трудно было поверить, и указанные выше работы фактом своего издания служили заверявшим устное свидетельство «официальным документом», на который всегда можно было сослаться.

В целом как таковая историографическая традиция, связанная с темой нацистских концентрационных лагерей, окончательно сформировалась на Западе лишь к 1980-м годам. Это было связано со сменой поколения свидетелей на поколение, условно говоря, их «наследников», которые могли усвоить прошлое не как собственный опыт, а только лишь как метафору пережитого другими трагического опыта. Это вызвало в Западной Германии волну так называемой литературы об отцах, когда «наследники» умерших и чаще всего молчавших свидетелей стремились запоздало вступить в диалог с ушедшими, чтобы прояснить то, что оставалось непроясненным при жизни. Еще одной причиной стали рассеивание эмоционального фона вокруг данной темы, активно идущие дискуссии о Второй мировой войне и роли Германии в истории Европы, о типологии и формах исторической памяти.

Немалую роль в формировании указанной традиции также сыграл кинематограф, в частности имевший большую популярность и получивший ряд премий американский мини-сериал «Холокост» (1978, реж. М. Чомски), который посмотрело в ФРГ 20 миллионов человек. Под впечатлением, которое он произвел на общество, бундестаг в 1979 году принял решение утвердить закон о нераспространении срока давности на нацистские преступления. Именно в это время многие мемориальные комплексы, сложившиеся на месте бывших концентрационных лагерей (такие как, например, Заксенхаузен, Бухенвальд, Освенцим, Дахау), превращаются в научные центры, ведущие масштабную исследовательскую работу, выпускающие собственные исследования и даже периодические издания, как, например, ежегодный международный научный журнал⁹⁰

⁹⁰ *Dachauer Hefte (DH)*. Studien und Dokumente zur Geschichte der nationalsozialistischen Konzentrationslager.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.